

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ОБЩЕСТВА И ОБЪЕДИНЕНИЯ

DOI 10.22455/2541-8297-2016-1-2-179-198

УДК 821.161.1

ББК 83.3 (2 Рос=Рус)

Из литературной почты «Арзамаса»¹

С. Панов

Аннотация: На основании неопубликованных писем участников литературного общества «Арзамас» (основанного в 1815 г.) уточняются отдельные эпизоды его истории и предыстории. Юношеское письмо П.А. Вяземского (1809) демонстрирует один из ранних образцов шуточного стиля дружеской переписки («галиматьи»), который получил свое развитие в арзамасском эпистолярии. Письмо 1815 г. А.И. Тургенева к Вяземскому — первое сообщение из Петербурга в Москву об учреждении «Арзамаса». Дипломат П.И. Полетика пишет из Лондона (1816) попечителю Петербургского учебного округа С.С. Уварову о делах службы, но на языке «Арзамаса». Герои сюжетов также «секретарь» «Арзамаса» В.А. Жуковский и «староста» общества В.Л. Пушкин.

Ключевые слова: Литературные общества, «Арзамас», П.А. Вяземский, В.А. Жуковский, дружеское письмо, «арзамасская галиматья», история русской литературы XIX века

Информация об авторе: Сергей Игоревич Панов, к.ф.н., с.н.с. Института мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия. E-mail: litfact@gmail.com

С.Н. Пяткину — арзамасскому домовому

Капитальный двухтомный свод арзамасских документов² (представленных в «широкой» хронологии, в соответствии с концепцией «арзамасского братства», разработанной инициатором этого издания М.И. Гиллельсоном), впервые столь полно собран воедино (и введя в

¹ Статья подготовлена в рамках проекта «Остафьевский архив. П.А. Вяземский: новые материалы и исследования», поддержанного РГНФ (№ 14-04-00492). Была представлена в форме доклада на Всероссийской научной конференции «Литературное общество “Арзамас”: история и современность» (Арзамасский филиал Нижегородского госуниверситета им. Н.И. Лобачевского, 20–23 мая 2015 г.).

² «Арзамас»: Сборник. В 2 кн. / Под общей ред. В.Э. Вацура и А.Л. Осповата. М.: Художественная литература, 1994. Ссылки на это издание даются в тексте статьи [Арзамас] с указанием тома и страниц.

культурный оборот многие неизданные) материалы самого знаменитого литературного объединения России XIX века, поставил в повестку исследований — работы по уточнению (дополнению) отдельных эпизодов истории «Арзамаса». Одной из главных форм существования «Арзамасского общества безвестных людей» была переписка его участников, во многом сформировавшая жанр «литературного дружеского письма» XIX в. В настоящей публикации предлагается ряд новых текстов арзамасского эпистолярия.

1. «Из первых опытов галиматьи»

В письме к редактору «Русского архива» П.И. Бартеневу «По поводу бумаг В.А. Жуковского» (1875) П.А. Вяземский вывел формулу, ставшую отправной в трактовке «Арзамаса» как неформального дружеского объединения: «Мы уже были арзамасцами между собою, когда Арзамаса еще и не было. Арзамасское общество служило только оболочкой нашего нравственного братства. Шуточные обряды его, торжественные заседания — все это лежало на втором плане» (Арзамас I, с. 107). Это «братство» формируется еще в 1800-е (В.А. Жуковский и его друзья Д.Н. Блудов, А.И. Тургенев), ускорение объединению придает вхождение в кружок совсем юного П.А. Вяземского, с появлением которого резко возрастает и значение «шуточных обрядов» как маркированного элемента арзамасского стиля. Классиком арзамасской буффонады, «галиматьи» почитался Жуковский. Он сам расценивал ее как конструктивный фактор общества: «Буффонада явилась причиной рождения Арзамаса, и с этого момента буффонство определяло его характер. Мы объединились, чтобы хотеть во все горло, как сумасшедшие; и я, избранный секретарем общества, сделал немалый вклад, чтобы достигнуть этой главной цели, т.е. смеха...» (Арзамас I, с. 134; из письма 1846 г., пер. с фр.).

Творческое открытие Жуковским стиля «галиматьи» принято относить к 1811–1812 гг. (муратовские юмористические журналы, постановки шуточных пьес в Черни, стихотворная переписка с А.А. Плещеевым). Однако чуть ранее упражняться в «галиматье» и буффонстве Жуковский начал со своим молодым приятелем — Вяземским.

Вяземский познакомился с Жуковским в 1807 г., когда тот, наездами из Белева, бывал в доме Вяземских у Карамзина. В конце года Жуковский поселился в Москве, готовясь редактировать «Вестник Европы», и 15-летний Вяземский сразу же напомнил ему о себе письмом, предлагая для журнала перевод — речь Цицерона против Катилины, ученический опус, которым он занят под присмотром Карамзина (он

опекает своего осиротевшего шурина), вынужденного вносить поправки в каждое предложение текста неумелого переводчика. Выступление Вяземского-латиниста в печати не состоялось, он дебютирует в «Вестнике» осенью 1808 г. стихотворным «Посланием к [Жуковскому] в деревню», по поводу которого спустя годы отметит: «В послании почти все стихи сплошь и целиком переделаны Жуковским. Мне было тогда 16 лет»¹. В течение этого года Вяземский знакомится и с друзьями Жуковского Блудовым и Тургеневым: приезжая в Москву, они наносят визиты Карамзину. Спустя четверть века Тургенев вспоминал, как в юности у дома Вяземских на Колымажном дворе он подолгу смотрел на окно комнаты, в которой жила старшая сестра Вяземского княжна Екатерина, бывшая в 1808–1809 гг. ему гораздо интереснее брата. (Она в апреле 1809 г. вышла замуж за кн. А.Г. Шербатова и в следующем году умерла от горячки.) С князем Петром он знаком, но «едва», первое упоминание Тургенева о нем — в письме к Жуковскому в октябре 1809 г., в контексте вопроса о Карамзине.

В начале 1809 г. Д.Н. Блудов поселился в Петербурге на одной квартире с Тургеневым и в январском (неизвестном нам) письме в Москву, вероятно, в полушутку просил Жуковского (возможно, обращаясь при этом и к Вяземскому) прислать им гостинцев (табаку и проч.) — в перспективе весенних «рождений» друзей (Тургенев родился 27 марта, Блудов — 5 апреля). Это предположение гадательно, а факт в том, что в начале февраля, справляя масленицу, Вяземский в присутствии Жуковского (скорее всего, с его определенным участием) сочиняет письмо Тургеневу (отчество которого он помнит еще не твердо и поэтому сначала пишет ошибочно). Во второй половине жизни, пересматривая свою эпистолярную коллекцию, Вяземский запишет сверху письма: «Из первых опытов наших в Галиматъ[.] Жуковского и меня — к Тургеневу».

П.А. Вяземский — А.И. Тургеневу²

[Москва. 4 февраля 1809]

Милостивый Государь мой Александр Петрович Иванович!

По получении письма, или так сказать, приказа от Господина вам известного под именем Блудова, о присылке разных вещей, как то табаку, табакерку, несколько сахарных голов и фунтов той инопле-

¹ Вяземский П.А. Стихотворения. Л.: Советский писатель, 1986. С. 441 (комм. К.А. Кумпан).

² РГАЛИ. Ф. 501. Оп. 1. Ед. хр. 81. Л. 1–2 об. В правом верхнем углу первого листа Жуковским записан служебный «адрес» Тургенева в Петербурге: «В комиссии о сочинении законов».

менной амброзии, носящей название кофе, то есть Леванского, для дня Ангела, или ей Богу не знаю рождения ли вашего, вам в подарок долженствующих быть поднесенных, решился я вам то есть посредством писания сказать, что понеже оные объекты слишком драгоценны в нашей, я хочу сказать Москве, и поелику кошелек оной вышеозначенной персоны не больно звучашь и не слишком, смею сказать, полновесен, кольми паче по поездке его в оную страну Лапландцов¹, я их почти не купил, то есть не торговал, и уж если до искренности стремится чистосердечное признание мое, я объявлю по правде без всякой отвлеченной затейливости, что я их и не взял: а вы можете как бы без умысла решиться на то, что будто вы оные презенты и получили, но по какому нибудь сказать вымышленному обстоятельству, что золотая табакерка растопилась, табак смок, кофе выкушан, сахар разгрызан — но вы умны, почтенный заочный компанист, и так конечно не средства вплести в обман Блудова, из натурального сожаленья к его убожеству, — но разве паче, не смею и думать корыстолюбивые, но таинственные желания вас от одного словесного происшествия прочь отодвинут в особливом намерении. Я же с позволением сказать с стороны своей, представлюсь в письме моем на будущей почте долженствующим посыланом быть, как усерднейший и самый скорейший исполнитель в рассуждении и даже безотвлеченно вас приказания.

Прошу всепокорнейшее не видеть в оном, хотя для моей честности едва и не сумнительном казусе, ничто иное как особенное, и если смею сказать, и персональное пылание сердца для сохранения всебезмятежного покоя Блудова, не могшего быть без отличного трезвона в кошельке. Я же в будущем своем может быть данным исполнении, исполню может быть или тем более надеюсь буду для вас судьбою благосклоннее, а в соразмерности чувств своих и утешнее для самого себя исполнением какого-нибудь предначертания **быть**.

Позвольте мне остаться, или по крайней мере желать остаться, и даже если можно было по собственному сердца вашего соизволению, вашим преданнейшим, и очень алкающим милостивого вашего ко мне благорасположения, и малой, но для меня одного всегда преогромнейшей склонности духа слугою

Иван Никитов сын *Карасев*

Москва

Февраля месяца 4-го дня

В Четверг масленицы на 1809 году от сотворения земного мира.

¹ Вероятно, имеется в виду первая зарубежная командировка Блудова — в 1808 г. в Голландию; в молодости небогатому Блудову (имение расстроил долгами его отец) приходилось жить министерским жалованьем.

Так «галиматья», на которой позже будет «ехать верхом» «Арзамас», рождается в качестве стиля приятельского письма в общении Вяземского и Жуковского. О том, что стиль найден и закреплён, говорит неслучайное совпадение: ставшая памятником культуры многолетняя переписка Вяземского с А.И. Тургеневым открывается в публикации В.И. Саитова письмом, написанным Вяземским ровно три года спустя (начало 1812 г.) и обращенном как бы к слуге Тургенева с просьбой дать весть о его «безмолвном барине»: «Милостивый государь Лаврентий (кажется) Никитич!...»¹ Хронологически следующий текст в этом ряду «писем с галиматъей» («Приказ Семену Гаврилову» с сопроводительным письмом, 1813) уже непосредственно относится к предарзамасской литературной критике.

Одновременно, в 1808–1809 гг., в обмене стихами и стихотворными записками между Вяземским и Жуковским вырабатывается «галиматья поэтическая». Их регулярная стихотворная переписка начинается в мае–июне 1808 г. Июньскому обмену посланиями² предшествует стихотворное письмо Вяземского от 12 мая:

Соперник! Мастер! в той науке,
В которой ты Муз славный жрец,
А я стихов простой кузнец!
Пишу к тебе при страшном стуке
Моих несносных молотков:
По твоему письму узнавши,
Что как на печки мой стоящий
Notron одинатцать часов
Пробьет — то ты ко мне приедешь,
Решился я писать к тебе,
Что так желается судьбе,
Что если будешь, — то уедешь
Курносый не видав нос мой!
А ежели после обеда,
Как мне твоя, — моя беседа
Тебе приятность принесет,
То Князь Жуковского зовет.

¹ Остафьевский архив князей Вяземских. Т. I: Переписка князя П.А. Вяземского с А.И. Тургеневым. 1812–1819 / под ред. В.И. Саитова. СПб., 1899. С. 1. Ссылки на это издание даются в тексте статьи [ОА] с указанием тома и страниц.

² Стихи Жуковского см.: Русская литература. 1983. № 1. С. 188 (публ. В.В. Пухова).

Ему ж он будет столь доволен,
 Сколь пьяница, когда он волен
 Вина отдуть бутылок шесть!.....
 С поклоном быть имею честь
 Слугою вашим, — и позором
 Певцов Российских, — но я вздором
 Своим наскучил вам..... болтать
 Давно пора мне перестать!...

Князь Петр Вяземский.

Москва

Маія 12 1808¹

К этому же времени относится еще более характерное для нашей темы обращение Вяземского к Жуковскому, сохранившееся в черновике и, может быть, не посланное адресату:

К нежной половине внутренности моей

(не говорю *к другу*, слово сие в нынешнее время сделалось так сомнительно, что к нему всегда необходимы комментарии, а *краткость первая красота слога*, как сказал Гораций, Дебрео, Бате, Хвостов и все прочие Парнасские Профессоры, умеющие с целебною Истиною соглашать фразисы свои).

Жуковский! чтоб сказать тебе, сколь я тебя,
 ...Тебя... сколь я!.. тебя... из всех живых амурю,
 В чернила надобно б преобразить моря,
 Со всех гусей содрать пернатую их шкуру,
 Из Неба сделать бы Александрийской лист;
 А я бы сделался рас-обер-копиист.

На веки твой,
 А не чужой. —
 Сердце имея
 Им не владея
 Богом я чтусь
 Не сомневаюсь [?]².

Символично, что в этом мире веселой, хоть еще и не умелой, бол-

¹ РГАЛИ. Ф. 198. Оп. 2. Ед. хр. 10. Л. 1–1 об.

² РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 854. Л. 3.

товни появляются гуси в «пернатых шуках» — конечно, незадачливые предшественники *арзамасских гусей*.

2. Первые вести из «Арзамаса» в Москву

В документальной летописи «Арзамаса» самым ранним свидетельством об учреждении общества и его первом заседании, состоявшемся 14 октября 1815 г., является сообщение в письме Жуковского Вяземскому от 19 октября:

«Ты верно уже знаешь о моем потоплении в Липецких водах — эта фарса взбунтовала Блудова и Дашкова. Блудов грянул ужасным *Видением Шаховского в ограде Беседы*, а Дашков *Письмом к Аристофану*. Но самое веселое то, что у нас завелось общество, которого и ты член. Это общество называется *Арзамасским Обществом безвестных¹ людей*. Статуты его сочиняются, и ты получишь об них донесение. Главная обязанность членов есть непримиримая ненависть к Беседе. И так как оно родилось от нападения на Баллады, то каждый член принимает на себя какое-нибудь имя из Баллады. Уваров — *Старушка*; Дашков — *Чу!*; Блудов — *Кассандра*; я — *Светлана*; Жихарев — *Громобой*; Тургенев — *Эолова Арфа*. Не хочешь ли быть *Асмодеем*. Каждый вступающий член говорит (по примеру Французских Академиком) похвальную речь, своему покойному предшественнику; но так как у нас недостаток в покойниках, то мы и положили брать на прокат покойников из Беседы и Академии. Приезжай, чтобы заступить свое место в нашем Клубе» (Арзамас I, с. 270; публ. О.А. Проскурина, с уточнением по подлиннику).

Но Жуковского-Светлану упредила Эолова Арфа — А.И. Тургенев. Именно его записку к Вяземскому следует считать первым «формально арзамасским» письмом, тем более что и датировано оно уже по новому летоисчислению (на второй день после организационного заседания общества на квартире С.С. Уварова).

¹ Отметим характерную ошибку Жуковского в подлиннике письма: первоначально он написал «Арзамасским Обществом веселых людей» (РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 1909. Л. 73). Эта описка Светланы говорит о том, что пришедшее из «Видения в какой-то ограде» Д.Н. Блудова и закрепленное в составленной Д.В. Дашковым «Формуле торжественного обещания» арзамасца определение («безвестных») еще не стало «своим» даже для секретаря общества.

А.И. Тургенев — П.А. Вяземскому¹

[Петербург. 15 октября 1815]

Г. отсутствующему члену Арзамасского ученого общества безвестных людей посылает письмо к новейшему Аристофану, сочинение члена Арзамасского общества Чу! член Эолова Арфа. В лето от Липецкого потопа первое, от Видения в Арзамасе первое, в месяц после Листопада первый, в день второй по открытии в доме члена Старушки (*honny soit qui mal у pense*)² Арзамасского ученого общества.

Эолова Арфа.

Новый Арзамас.

«Письмо» Д.В. Дашкова против комедии «Урок кокеткам, или Липецкие воды» и лично ее автора — А.А. Шаховского, вскоре появилось в «Сыне отечества» (1815. № 42). Программного «Видения» Блудова, очевидно, еще не было в копиях, иначе Тургенев прислал бы и его; список «Видения» он смог выслать Вяземскому лишь недели через две (Вяземский благодарит Тургенева 4 ноября (ОА I, с. 32; Арзамас I, с. 289)).

Дальнейшее общение между Петербургом и московским отделением «Арзамаса», вплоть до приезда его ядра в столицу зимой 1816 года — подробно документировано. Стоит заметить лишь, что письмо Вяземского от 18 ноября 1815 г. («Хороши вы, Арзамасцы! Вся Москва наводнена “Липецкими Водами”; одни мы, усердные Арзамасцы, забыты вами» (Арзамас I, с. 303–304)) — адресовано Жуковскому, а не А.И. Тургеневу, что понятно и по его содержанию, особенно из окончания письма, которое было разыскано в бумагах Вяземского только на стадии составления В.И. Саитовым примечаний к [ОА I] и поэтому помещено в его комментариях. Прощаясь, Вяземский сетует: «Арзамасцам мой сердечный поклон. Чу [Д.В. Дашков] меня забыл: я к нему писал, а он и в ус не дует. Эолова Арфа [А.И. Тургенев] холоден ко мне, как лед. Пишешь ли к Батюшкову?» (ОА I, с. 415). При этом В.И. Саитов не отметил, что адресат письма им определен неверно; эту оплошность первопубликатора следует исправить.

¹ РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 2886. Л. 1.

² Заманчиво, но вряд ли оправдано на основании упоминания в первом же арзамасском письме девиза британского Ордена Подвязки возводить конструкции относительно культурной генеалогии литературного общества, актуализируя уставы, обряды и смыслы средневекового Ордена, девиз которого давно стал простой фразеологемой, к которой охотно прибегали в дружеской переписке далеко не только арзамасцы.

3. «Упитаться радостью из Арзамасского ковша...»

Переписка П.А. Вяземского и А.И. Тургенева за 1817 год началась «арзамасским» письмом Эоловой Арфы от 2 января (ОА I, с. 67–68). Тургенев слал новогодний подарок: копию указа (подписан 30 декабря 1816 г.) Александра I министру финансов — производить ежегодные выплаты по 4.000 руб. «известному писателю, штабс-капитану Василью Жуковскому». Рескрипт о назначении Жуковскому пенсионера Тургенев огласил в 16-м заседании Арзамаса 24 декабря, и в Петербурге за это уже выпили и закусили. Москвичи, кроме того, должны были порадоваться и другим арзамасским победам: Тургенев сообщал об отставке с поста попечителя Московского учебного округа и Московского университета ненавистного им П.И. Голенищева-Кутузова и назначении вместо него кн. А.П. Оболенского — родственника Асмодея. «Если арзамасское твое сердце не выпрыгнет от радости из арзамасской груди твоей или не выльется из нея в прекрасных арзамасских стихах и не скажет спасибо Эоловой Арфе, которая поспешила добрячать до тебя эти арзамасские звуки, то ты — не Асмодей!» — восклицал Тургенев.

Восторженный ответ Асмодея должен пополнить коллекцию арзамасских документов. Отметим, что это письмо было особо отмечено адресатом: Тургенев выделил его в подборку избранных образцов своей корреспонденции, позднее заключенных в общий переплет. Очевидно, этот альбом предназначался для демонстрации знакомым — поэтому пришлось прибегнуть к «домашней цензуре» и аккуратно вырвать фрагмент бумаги внизу листа, точно по границам второго слова из цитируемой Вяземским 114-й строки «Опасного соседа» арзамасского старосты Вот. На адресной стороне письма — не арзамасское имя, а дружеское прозвище Тургенева, употребление которого, насколько известно, было в ходу почти исключительно в семье Вяземских, закрепившись в их обиходе вплоть до 1840-х годов. Вяземский адресовал письмо: «Александрю Сюсе-Тургеневу»; тут же помета (адресата?): «Egratum Сюська» — так, *Сюся* или *Сюська*, *Сюсенька*, Вяземский называл друга в переписке с женой и дочерью¹.

¹ См., например, в письмах 1834 г.: РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 3269. Л. 5, 10, 23. Родившуюся в 1817 г. дочь Прасковью Вяземский отреккомендовал Тургеневу как «новую Сюсеньку» (ОА I, с. 69).

П.А. Вяземский — А.И. Тургеневу¹

[Москва. 8 января 1817]

Обнимаю тебя четыре тысячи раз, мой добрый, мой славный друг! Я получил радостное письмо твое в ночном собрании у Константина Булгакова² и громогласно объявил о благодетельном благотворении Государя, которого от всей души поздравляю с добрым делом. Всегдашнее желание сердца моего угадано и исполнено. Бегом, на крыльях примчался бы я к Вам упиться благодарностию и радостью из Арзамасского ковша: мне так бы весело было праздновать вместе новую победу нашего гуся-орла, но необходимость заставляет меня кричать издали: да здравствует Арзамас и расточатся враги его и выскочет от зависти бородавка на сухом гузне Шишкова и чреватый желчью и водою пузырь на пространной заднице Шаховского!³ Я еще не успел протрезвонить всем ушам о победе нашей: дай срок! Предпочтительно заглушу я некоторые длинные уши, которые испугаются, видя воскресения из мертвых распятого и погребенного Вкуса и торжество правой стороны. Лента Карамзина⁴ задушила их: теперь подавятся они рублями Жуковского. Но где он? Где наш Герой? Ты от радости забыл и сказать мне, в Петербур-

¹ ИРЛИ. Ф. 309 (Архив братьев Тургеневых). № 124. Л. 345–346 об. Благодарим хранителя архива братьев Тургеневых в РО ИРЛИ Н.А. Хохлову, которая любезно указала нам это письмо.

² Московского (1816–1819), а затем петербургского почт-директора К.Я. Булгакова Тургенев подготовил к хорошим новостям в письме от 21 декабря 1816: «Присылайте к нам Вяземского. Светлана возвратилась, и у нас был прелестный Арзамас. К новому году я готовлю другой у себя, в надежде, что Вяземский приедет. Скажи ему и себе, что скоро будут большие Арзамасские радости» (Письма Александра Тургенева Булгаковым / Изд. подгот. А.А. Сабуров. М.: Соцэк, 1939. С. 155).

³ Сопряжение «сухого» А.С. Шишкова и «вспученного» А.А. Шаховского, ставшее общим местом арзамасской сатиры, берет начало в эпиграмме Д.Н. Блудова «Угодно ль, господа, меж русскими певцами / Вам видеть записных Карамзина врагов?..» (1809)

⁴ 16 марта 1816 г. Карамзину был пожалован чин статского советника и орден Св. Анны 1-й степени (кроме нагрудной звезды предполагал крест на ленте через левое плечо); «Арзамас» воспринял это и как свою победу и чествовал историографа в 11-м заседании; в поднесенном от общества дипломе Карамзин именовался «кавалером Анны и славы» (Арзамас I, с. 352).

ге ли он, или нет. Прости, мой добрый друг. Обнимаю тебя от всей души.

Ты добрый человек, твой мне приятен вид!
Всем нашим поклон и поздравление за Светлану:
Ведь [блядь,] в том спора нет, есть общее именье!

8-го Генваря.

Игривая аллюзия не умаляет искренней радости Асмодея за друга-Светлану, чьи талант и слава — «общее именье» «Арзамаса»; Вяземский даже забыл побранить Жуковского, который пишет ему редко, а в извинение приводит милые глупые отговорки («я написал множество писем и потому ленюсь к тебе писать») ¹, о важном сообщая лишь туманными намеками. Радость за друзей была неприменной арзамасской чертой.

4. Арзамасцы на Альбионе

Первыми новичками «Арзамаса», после кооптации в общество «природных арзамасцев»-москвичей, стали прибывшие в ноябре 1815 г. в Петербург из-за границы дипломаты П.И. Полетика («Очарованный челнок») и Д.П. Северин («Резвый кот»), принятые на заседании 25 ноября (Арзамас I, с. 304—316; II, с. 398). Ивиков журавль-Вигель отмечал, что степенный Полетика был скорее арзамасцем «почетным», по своим дипломатическим связям с Д.В. Дашковым и Д.Н. Блудовым, особого участия в работах общества не принимал и даже «ускользнул от обязанности произнести вступительную речь» (Арзамас I, с. 85), а вскоре вовсе оторвался от «Арзамаса», отбыв весной 1816 г. советником посольства в Лондон. Это, однако, не помешало Очарованному челноку вполне органично усвоить арзамасскую стилистику и культурную мифологию общества, свидетельством чему служит его деловое по сути и при этом предельно «арзамасское» по духу и форме письмо к Старушке-Уварову.

¹ Из последнего полученного на тот момент Вяземским письма Жуковского, посланного из Дерпта еще в середине декабря 1816 г. (РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 1909. Л. 77).

П.И. Полетика — С.С. Уварову¹

Лондон. 19/31 октября 1816

Прибывшие сюда за несколько пред сим дней ученые питомцы ваши, любезнейшая Старушка, вручили мне грамотку вашу от 30-го июля. Долг службы и особенное мое к вам уважение слишком достаточны, чтоб побудить меня к оказанию сим молодым Педагогам всех зависящих от меня услуг. Но если бы сих поводов было недозволено, одно звание Кандидатов *благословенного Арзамаса* подает им полное право на мое усердие и посильное вспоможение. При звуке *Арзамас*, дошедшем чрез вас до сего Царства тумана, *Очарованный Челнок* восплескал от радости и начал колыхаться. — Гн Страндман, коему особенно поручены Арзамасские Кандидаты, принялся за них как жаркий последователь новых систем учения. Нельзя было избрать для них лутчаго дядьки. Посольству остается подавать ему руку помощи по востребованию его: на сей шет вы можете быть покойны. — Беседа скончалась естественною смертию: в Державине потеряли мы доброго почтенного Старика, но Поета давно уже лишились. Мы имеем здесь отломок Беседы в рифмослогательнице Буниной: я не имел еще счастья познакомиться с нашею Сафою, но довольно был несчастлив, чтоб читать вздорные Эпистолы, коими часто обременяет она Посла. — Арзамас рассыпался. Но зажженный в оном светильник стерегут два отличнейших жреца храма сего, и он не погаснет. — Арзамас восстанет с новым блеском на развалинах Беседы и Академии. — Между тем недостойный, но ревностный последователь оного предлагает услуги свои здесь, любезнейшей *Старушке*.

Очарованный Челнок.

По всей видимости, Уваров сразу же передал письмо А.И. Тургеневу (в бумагах которого оно и сохранилось), и тот 20 ноября 1816 г. сообщал Вяземскому: «Очарованный Челнок писал к нам из Лондона. Он осужден там спастись от бури заимодавцев Бунину [...]. Но сам Челнок не мог спастись от стихов ея, которые могли бы разочаровать его насчет русской поэзии, если б он не был Арзамасцем» (ОА I, с. 62). Тяжело больная Анна Петровна Бунина (1774–1829), почетный член «Беседы» со дня основания, лечилась в Англии в 1815–1817 гг. и сильно бедствовала².

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 247 (Тургеневы). Ед. хр. 10.

² См.: *Алексеев М.П.* Русско-английские литературные связи (XVIII век — первая половина XIX века) / Литературное наследство. Т. 91. М.: Наука, 1982.

Во второй части письма Полетики дано ставшее *locus communis* описание прекращения «Беседы» и «Арзамаса». Первая умерла со смертью 8 июля 1816 г. Державина (и без того пережившего себя: «Но, ах, почто так долго жить?», по формулировке Сверчка), оставившего беседчиков бесприютными сиротами. Ср. эпиграмму Вяземского:

Когда беседчикам Державин пред концом
Жилища своего не завещал в наследство,
Он знал их твердые права на желтый дом
И прочил им соседство.

«Арзамас» же «рассыпался» — его участники разъехались из Петербурга; «стерегут светильник», по мнению Очарованного Челнока, Уваров и, вероятно, А.И. Тургенев или Д.Н. Блудов.

Любопытнее арзамасский контекст первой, деловой части письма. Тут речь идет о стажировке четырех выпускников Педагогического института (впоследствии небезызвестных деятелей науки и просвещения Ф.И. Буссе, А.Г. Ободовского, К.Ф. Свенске, М.М. Тимаева), направленных попечителем Петербургского учебного округа Уваровым за границу для изучения передовых методик начального образования, в частности, новомодных систем взаимного обучения. Студенты провели два года в учебных центрах Англии, Шотландии, Франции и Швейцарии и вернулись в Россию грамотными специалистами. Секретарь русского посольства в Лондоне, уроженец Эстляндии Иван Оттович фон Штрэндман (1784—1842) включил в их группу англичанина Джеймса Гёрда, активно осваивавшего ланкастерскую систему. По поручению графа Н.П. Румянцева Штрэндман завербует этого Гёрда для работы в России, и он откроет в 1817 г. в Гомеле (вотчине Румянцева) первую в империи ланкастерскую школу.

Характерно, что в своем сопроводительном письме Уваров именвал студентов «кандидатами Арзамаса», расценивая учебную командировку как арзамасский просветительский проект. Это еще один эпизод к истории образовательной работы «Арзамаса», которую М.Л. Майофис убедительно определила как органичный элемент

С. 255—260. Пример эпистолы Буниной начала 1816 г. — ее пространное послание к М.В. де Бальмен «Призывание Мальвины из Брайтона в Бат...», экземпляр которого предназначался и для отсылки священнику русской посольской церкви в Лондоне Якову Смирнову (см. комм. М. Амелина и М. Нестеренко в: *Бунина Анна*. Неопытная муза: Собрание стихотворений. М.: БСГ-Пресс, 2016. С. 531). Послом России в Англии был гр. Х.А. Ливен.

программы Общества безвестных людей¹. Показательно, что еще один арзамасец, М.Ф. Орлов («Рейн») в это же время создает под Киевом ланкастерские школы для солдат 4-го пехотного корпуса.

5. Письмо Асмодея к Старосте Вот-я-вас

Староста Арзамаса В.Л. Пушкин сохранил в сердце и в своем литературно-речевом обиходе арзамасский дух до конца своих дней. К сожалению, выступавший Ментором Вотрушки Асмодей в год смерти старшего друга (1830) еще не приобрел ценную в историко-литературном отношении привычку забирать у наследников покойных приятелей свои (а при возможности — и чужие) письма. Архив Старосты не уцелел, пропали и письма к нему друзей-арзамасцев, среди них — и десятки писем Асмодея. Их эпистолярное общение известно нам односторонне: в Остафьевском архиве сохранилось до сотни писем Пушкина-дяди. В них много около-арзамасских сюжетов.

Так, 10 апреля 1819 г. В.Л. Пушкин писал Вяземскому в Варшаву:

«Мысль твоя издать Московскую Флору прелестна и, точно, золотая. Каченовский-репейник в 6-й книжке Вестника Европы еще более остервенился на Николая Михайловича. Теперь выходит на сцену какой-то Житель Девичьего поля. Приятель его, отставной бригадир ругает нашего историографа наповал. Я удивляюсь, что Оболенский молчит и не препятствует Зоилу нашему изливать желчь свою. — Я писал к тебе о пресловутой Беседе. Я почти намерен вовсе от нее отказать; гадко быть с этими уродами. Об Антонском я скажу, однако, что он не одобряет ни Каченовского, ни Мерзлякова, но репейник и полынь дают кашку, а луга литературы нашей чрезвычайно ими изобильны» (Арзамас II, с. 437).

Комментируя этот пассаж, А.А. Ильин-Томич отметил: «Отсюда следует, что в “Московской Флоре” Вяземского А.Ф. Мерзлякову была отведена роль полыни (намек на его алкогольные пристрастия), а Прокоповичу-Антонскому — кашки» (Арзамас II, с. 595). Реконструкция законная, однако, недооценивающая творческий потенциал самого Старосты. Дело в том, что как раз в этом случае мы можем заглянуть и в обратную сторону переписки двух арзамасцев.

¹ См.: *Майофис М.* Воззвание к Европе: Литературное общество «Арзамас» и российский модернизационный проект 1815–1818 годов. М.: Новое литературное обозрение, 2008. С. 272–285.

Из Варшавы, где Вяземский служил в 1818–1821 гг., он прислал друзьям (А.И. Тургеневу, А.Я. Булгакову, Карамзину, И.И. Дмитриеву и др.) европейские издания, газеты и политические брошюры, его письма читались коллективно и передавались для прочтения в своем кругу. Получив в апреле 1819 г. письмо Вяземского с сообщением для И.И. Дмитриева, В. Пушкин поспешил аккуратно переписать соответствующий фрагмент (чтобы не отдавать подлинник ценного для него письма), присовокупив и примыкающий общезанимательный сатирический пассаж о московском Английском клубе, завсегдаемом которого был Дмитриев. В его бумагах и сохранилась эта копия. Она начинается с резюме Вяземского по поводу некоей истории с участием «Бер.....а» (деликатный В.Пушкин, списывая текст, прозрачно усекает имена упоминаемых лиц) — речь идет о серии скандалов с участием С.Ф. Берхмана (ум. в 1839), о которых Пушкин регулярно сообщает Вяземскому с конца 1818 г.; в письме от 10 апреля 1819 г. он делится пикантной развязкой: «Берхман увез мадам Шульц. Это совершенная правда. Он нанял своей красавице небольшую квартиру» и т.д.¹ С обсуждения Бер[хман]а и начинается фрагмент письма Вяземского:

П.А. Вяземский — В.Л. Пушкину²

[Варшава. Конец марта 1819]

[...] Москва прелесть на такие дела; да и где кроме Москвы может родиться и возмужать Бер.....ь? На другой земле не растут такие растения. В Англинском клубе можно издать *Московскую флору*. Юс...ь³ будет род татарского пиона; Каченовский журнального репейника и так далее. Барской спеси и мака будет тысячу родов, одна сенатская теплица, или лучше сказать парники, займет долго Ботаниста. Ант...й⁴ кашка.

¹ Пушкин. Исследования и материалы. Т. XI. Л.: Наука, 1983. С. 226, см. там же с. 224–225.

² РГАЛИ. Ф. 1060. Оп. 1. Ед. хр. 17. Л. 53. Тут же, в подборке писем Вяземского к Дмитриеву, сохранилось и еще одно письмо Асмодея к Старосте (из Варшавы от 10–13 ноября 1819 г.) — на этот раз целиком и в подлиннике: В.Пушкин поленился сделать копию, и Дмитриев не вернул ему оригинал (за что теперь исследователи могут поблагодарить патриарха московских поэтов).

³ Князь Николай Борисович Юсупов (1750–1831), чьи татарские корни В. Пушкин и Вяземский не раз акцентировали в своей переписке («мирза Юсупов»).

⁴ Антон Антонович Прокопович-Антонский (1762–1848) в 1819 г. стал ректором Московского университета.

Сделай одолжение скажи Ив.Ив. [Дмитриеву], что я послал ему через Ник. Михайл. [Карамзина] новую книгу о кампании 1815-го сочинения *Gourgaud*¹, писавшего ее под глазами Наполеона, и следовательно чрезвычайно любопытную. —

Сверх того скажи ему мое душевное почтение, а не пишу к нему потому, что в самом деле писать нечего внимания его достойного, а писать только для того, чтобы уверить в чувствах моих к нему, считаю лишним, ласкаясь надеждою, что он в них уверен и без того. Тут нет хитрого оправдания лени, а простое признание искренности. — Американцу² скажи, что я его люблю по старому, а не пишу потому, что я все как-то не в духе, и к тому же с приезда своего был всегда занят. А к нему надобно писать сердце настезь и спустя рукава. —

В добрый час я отделал бы мастерски золотую мысль свою о *Московской флоре*. Теперь работа вышла топорная и вальжная, а мысль забавная и многообещающая. Прости! [...]

Таким образом, замысел «Московской флоры» вписывается в контекст постоянной иронии в переписке арзамасцев по поводу Английского клуба. В первом же письме из Варшавы [6 марта 1818 г.] к Жуковскому ностальгия Вяземского, играя арзамасскими цветами, стремится (на мотив перевода Жуковским песни Миньоны из Гёте — «Мина. Романс», 1817) в московский Клуб: «Что делаешь ты? И ты

¹ Речь идет о книге «La Campagne de 1815» (Лондон, Париж, 1818) барона Гаспара Гурго (1783–1852), генерала, участника похода в Россию и Европейской кампании, который три года провел вместе с Наполеоном на острове Св. Елены, где и составил описание военных действий 1815 года. Тогда же, записывая рассказы и суждения императора, он вместе с Карлом Монтолоном работал над составлением «Mémoires pour servir à l'histoire de France sous Napoléon» (Париж, 1822–1823), об интересе к которым Вяземского, Карамзина, А.С. Пушкина и их окружения см., например: Пушкин. Письма / Под ред. Б.Л. Модзалевского. М.; Л.: Гиз, 1926. Т. I. С. 400. Произведенный Гурго критический разбор «Истории Наполеона и Великой армии в 1812 году» гр. Ф.-П. де Сегюра (1824) использовал в своей статье «Мороз ли истребил французскую армию в 1812 году» (1835) Д.В. Давыдов. В ряду «проникновенных» биографов Наполеона Вяземский упоминает Гурго в статье о «Записках графини Жанлис» (Московский телеграф. 1826. № 5), а в «Поживках французских журналов в 1827 году» (Московский телеграф. 1828. № 13) дал оценку тому, как Гурго пробовал откреститься от обвинений в свой адрес, содержавшихся в «Истории Наполеона» Вальтера Скотта.

² Гр. Федор Иванович Толстой (1782–1846); см. публ. Е.В. Бронниковой и Т.Л. Латыповой: «Верь нелицемерной к тебе любви Толстова»: Из писем гр. Ф.И. Толстого к кн. П.А. Вяземскому // Наше наследие. 2012. № 104.

осиротел. Арзамас рассеялся; то-то я думаю спишь за обе щеки. Будильников твоих Блудова и Вяземского нет, и ты говоришь: жизнь есть сон, а я говорю: бред, и таким образом ты жизнь проспичь, а я пробрежу. Не так ли, батюшка Василий Андреевич? [...] Помнишь ли мое предложение в Арзамасе? Каждые два месяца переписываться всем членам между собою, или каждому члену писать в главное пребывание Арзамаса, а Арзамасу давать знать каждому члену о состоянии Арзамаса, пребывании членов и проч. и проч.? Это было бы бесценно для меня; а то я уверен, что здесь заросту травой забвения и придется мне аукаться с Анастасевичем, или Ошмянцем.

Я знаю край! там Англинской есть клуб,
Во мгле горит там Айгустова лоб,
Вельяшев там стихами холодит,
Голицын князь у печки тихо бздит¹.
Там порят гиль, туда, туда
Мечта зовет! там сердцем я всегда [...] и т.д.²

¹ Завсегдатаи московского Английского клуба: Айгустов — вероятно, отставной секунд-майор Федор Васильевич (1768—1852). Ср. в письме В.Л. Пушкина Вяземскому 21 июня 1818 г.: «Москва совсем опустела. <...> В Аглинском клубе сидят Терпигорев, Айгустов и аптекарь Эйнброт. Все мрачно и пусто» (Пушкин: Исследования и материалы. Т. XI. С. 221). Поэт и театрал Дмитрий Иванович Вельяшев-Вольнцев (1774/1775—1818) регулярно играл в клубе в карты, что фиксировал в своем дневнике (РГБ. Ф. 721. Карт. 3. Ед. хр. 3). Портрет «клубного» князя Голицына Вяземский оставил в «Старой записной книжке»: «Когда пудра была уже в изгнании, сохранившийся остаток волос его (отчего нет у нас слова *chevelure*?) был всегда тщательно и на бело напудрен. Панталоны и сапоги давно уже выгнали коротенькие штаны и башмаки с пряжками; но его не переуверили они, и даже в клубе являлся он маркизом прошлого столетия. Странное дело, никогда в клубе не видал я его ни за обеденным столом, ни за карточным; никогда не видал я, чтобы он с кем-нибудь разговаривал. Зачем же ездил он в клуб? Как теперь рисуется он мне, в задней комнате, один, греющийся зимою у печки. Мимо его многие проходили; но им было не до него. Довершить ли мои следственные справки? Не тем будь он помянут, а прозвище его было: князь-моська; а такое прозвище, говорили, было дано ему потому, что он любил кушать жареные моськи» (*Вяземский П.А.* Полн. собр. соч. СПб., 1883. Т. 8. С. 504). Историк рода Голицыных затруднился идентифицировать «князя-моську» (*Голицын Н.Н.* Род князей Голицыных. СПб., 1892. Т. 1. С. 359—360); возможно, имелся в виду стихотворец, отставной бригадир кн. Василий Дмитриевич Голицын (1752—1822), доживавший свой век в Москве холостяком (см. о нем: *Словарь рус. писателей XVIII века.* Л.: Наука, 1988. Вып. 1; ст. В.П. Степанова).

² РГАЛИ. Ф. 198. Оп. 2. Ед. хр. 20. Л. 27.

Пушкин-Староста в своем ответном письме Асмодею переводит ботанические исследования в литературно-корпоративную плоскость, ограничивая палисадник современными журналами (выступления против Карамзина в «Вестнике Европы») и объединениями, сосредоточившись на Обществе любителей российской словесности при Московском университете. Это Общество, несмотря на членство в нем многих арзамасцев, изначально воспринималось ими как «московская Беседа», площадка «халдеев». В. Пушкин через письмо ругает его Вяземскому и сообщает о своем намерении порвать с Обществом (при этом не прекращая регулярно читать на его заседаниях свои и чужие стихи и публиковаться в его «Трудах»). Соответственно, А.А. Прокопович-Антонский в трактовке В. Пушкина выступает в качестве не клубного посетителя, а председателя ОЛРС, который не в состоянии противостоять «архаистам» — Каченовскому и Мерзлякову. Последнего Староста вплел в гербарий уже по своей инициативе («архаизм» Мерзлякова актуализировался его недавним «Письмом из Сибири» (1818) — с нападками на баллады, заставив вспомнить о «липецком потопе» 1815 г., колыбели «Арзамаса»), и сам же окрестил его «полянью».

Литература

Алексеев М.П. Русско-английские литературные связи (XVIII век — первая половина XIX века) / Литературное наследство. Т. 91. М.: Наука, 1982. 864 с.

«Арзамас»: Сборник. В 2 кн. / Под общ. ред. В.Э. Вацура и А.Л. Осповата. М.: Художественная литература, 1994.

Бунина Анна. Неопытная муза: Собрание стихотворений / Изд. подгот. М. Амелин, М. Нестеренко. М.: БСГ-Пресс, 2016. 560 с.

Вяземский П.А. Полн. собр. соч. СПб., 1883. Т. 8. 524 с.

Вяземский П.А. Стихотворения / Сост., подг. текста и примеч. К.А. Кумпан. Л.: Советский писатель, 1986. 544 с. (Б-ка поэта. Большая серия.)

Литературное общество «Арзамас»: история и современность. Сб. научн. ст. / Отв. ред. С.Н. Пяткин. Арзамас; Нижний Новгород: ООО «Растр», 2015. 552 с.

Майофис М. Воззвание к Европе: Литературное общество «Арзамас» и российский модернизационный проект 1815–1818 годов. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 800 с.

Остафьевский архив князей Вяземских. Т. I: Переписка князя П.А. Вяземского с А.И. Тургеневым. 1812–1819 / под ред. В.И. Саитова. СПб., 1899. 730 + IV с.

Письма Александра Тургенева Булгаковым / Изд. подгот. А.А. Сабуров. М.: Соцэк, 1939. 376 с.

Пушкин. Исследования и материалы. Т. XI. Л.: Наука, 1983. 360 с.

Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 1 (А–И). Л.: Наука, 1988. 360 с.

References

Alekseev M.P. “Russko-angliiskie literaturnye sviazi (XVIII vek — pervaiia polovina XIX veka)”, *Literaturnoe nasledstvo*, t. 91. Moscow, Nauka Publ., 1982. 864 p.

«Arzamas»: *Sbornik*. In 2 vols., eds. V.E. Vatsuro, A.L. Ospovat. Moscow, Khudozhestvennaia Literatura Publ., 1994.

Bunina Anna. *Neopytnaia muza: Sobranie stikhotvorenii*, eds. M. Amelin, M. Nesterenko. Moscow, BSG-Press Publ., 2016. 560 p.

Literaturnoe obshchestvo «Arzamas»: istoriia i sovremennost’. *Sbornik nauchnykh statei*, ed. S.N. Piatkin. Arzamas; Nizhnii Novgorod: OOO «Rastr» Publ., 2015. 552 p.

Maiofis M. *Vozzvanie k Evrope: Literaturnoe obshchestvo «Arzamas» i rossiiskii modernizatsionnyi proekt 1815–1818 godov*. Moscow, Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ., 2008. 800 p.

Ostaf’evskii arkhiv kniaziei Viazemskikh. V. I: Peregiska kniazia P.A. Viazemskogo s A.I. Turgenevym. 1812–1819, ed. V.I. Saitov. Saint-Petersburg, 1899. 730 + IV p.

Pis’ma Aleksandra Turgeneva Bulgakovym, ed. A.A. Saburov. Moscow, Sotsek Publ., 1939. 376 s.

Pushkin. Issledovaniia i materialy, vol. XI. Leningrad, Nauka Publ., 1983. 360 p.

Slovar’ russkikh pisatelei XVIII veka. Issue 1 (A–I). Leningrad, Nauka Publ., 1988. 360 p.

Viazemskii P.A. *Polnoe sobranie sochineniy*. Saint-Petersburg, 1883. V. 8. 524 p.

Viazemskii P.A. *Stikhotvoreniia*, ed., comp., comment. K.A. Kumpan. Leningrad, Sovetskii pisatel’ Publ., 1986. 544 p. (Biblioteka poeta. Bol’shaia seriia.).

From the Literary Correspondence of “Arzamas”

Sergei Panov

Abstract: Some episodes of the history of *Arzamas* literary society (founded 1815) are specified on the basis of its members’ unpublished letters. Young prince P.A. Vyazemsky’s letter (1809) is an early example of the humorous epistolary style (“gallimatia”) typical for the friendly letter exchange in *Arzamas*.

A.I. Turgenev's letter to Vyazemsky (1809) is the first announcement about the foundation of *Arzamas* that was sent from Petersburg to Moscow. In 1816 P.I. Poletika, a diplomat, writes from London to S.S. Uvarov, a trustee of Petersburg educational circuit, a business letter in *Arzamas* style. Other persons involved in the story are V.A. Zhukovsky and V.L. Pushkin, the secretary and the warden of *Arzamas*.

Keywords: literary societies, *Arzamas*, P.A. Vyazemsky, V.A. Zhukovsky, friendly letter, “gallimatia” of *Arzamas*, Russian literary history of the XIXth century.

Information about the author: Sergei I. Panov, PhD, A.M. Gorky Institute of World Literature of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. E-mail: litfact@gmail.com